

ДАНИЕЛА
ХАРМОН

*Во власти
бури*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X21

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Danelle Harmon

TAKEN BY STORM

Перевод с английского *Е. Никитенко*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения литературных агентств
Nancy Yost и Andrew Nurnberg.

Хармон, Данелла.

X21   Во власти бури : [роман] / Данелла Хармон ; [пер.
с англ. Е. Никитенко]. — Москва : Издательство АСТ,
2018. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-109483-6

Кто мог бы поверить, что мужской костюм юного жокея скрывает красоту Ариадны, дочери графа Уэйбурна, бежавшей из разоренного пожаром фамильного имения с последним сокровищем семьи — скаковым жеребцом по кличке Шареб?

Кто мог бы подумать, что под именем скромного ветеринарного врача Колина Лорда, которому Ариадна подарила свое сердце, скрывается британский аристократ, несправедливо опозоренный и порвавший все связи со светом?

Вместе им предстоит пережить множество опасных приключений, найти негодяя, убившего отца Ариадны и устроившего поджог в имении, спасти подругу Шареба — прекрасную кобылицу Газель — и понять, что нет на свете трудностей, которые не превозмогла бы настоящая любовь...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Danelle Harmon, 1995

© Перевод. Е. Никитенко, 2018

ISBN 978-5-17-109483-6

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Пролог

*Англия, Лондон, Уэйбурн-Хаус
1810 год*

Пожар начался с искры, упавшей в стожок сена, приготовленного на корм лошадям. Лишь струйка дыма, тонкая и блеклая, указывала на грозящую беду, пока сквозняк от распахнутых ворот конюшни не раздул пламя. С ревом и треском стожок занялся в считанные секунды.

Виновник произошедшего с довольным смешком бросил в огонь керосиновую лампу и отшатнулся, когда его опалило жаром, но не спешил покидать место преступления.

Наоборот, его зачарованный взгляд не отрывался от прихотливой игры языков пламени. Жар усиливался, выжимая влагу из каждой поры, грозя опалить брови и волосы, однако злоумышленник медлил, машинально отирая мокрое побагровевшее лицо.

«Это послужит тебе уроком, ублюдок, — думал он со злобным торжеством. — Научит держать слово. Твои лошадки не достались мне, но и тебе придется проститься с ними навсегда...»

Едкий дым сгустился под крышей настолько, что совершенно скрыл балки перекрытий и стекал вниз, словно зловещий темный водопад. Неосторожно вдохнув полной грудью, поджигатель закашлял и вдруг осознал, что промедление может стоить ему жизни. Прикрыв нос и рот платком, он начал отступать к выходу, не отрывая при этом взгляда

от разбушевавшегося пламени. Цель достигнута. Никакими силами уже невозможно было отстоять конюшню.

Словно обезумевший демон, пламя пожирало все, что оказывалось на его пути: сено, соломенную подстилку, переборки стойл. Все они были пусты, за исключением последнего, откуда уже раздавалось пронзительное ржание испуганного животного.

Жеребец, к стойлу которого подбиралось ненасытное пламя, был самой ценной лошадкой во всей Англии... да что там в Англии — во всем мире! Но злоумышленник и пальцем не пошевелил, чтобы прийти ему на помощь. Наоборот, он с жадностью прислушивался к отчаянному ржанию, вновь забыв о грозящей опасности и не замечая, как обжигает тело разогретая ткань одежды, как волны жара катятся одна за другой, как сохнет кожа, как удушлив насыщенный дымом воздух. Конюшня превратилась в преисподнюю, резко пахло горячей лежалой соломой, деревом, кожей; казалось, сам земляной пол конюшни занялся.

Наконец инстинкт самосохранения заставил преступника сдвинуться с места. Отвернувшись, он бросился к дверям, но замер, словно пригвожденный к месту. Его настигло уже не ржание, а дикий вопль смертельного ужаса. Воображение живо нарисовало жадные щупальца огня, тянущиеся к бесценному животному, обвивающие его, жгучие и беспощадные. Сожаление на миг коснулось черного сердца.

«Все могло обернуться по-другому, Уэйбурн. Старый ты болван!»

Человек пересек порог обреченного строения. Порыв холодного ночного воздуха был так сладок, что он задышал часто и жадно, стремясь избавиться от привкуса дыма во рту. За спиной ревели и бесновались пламя, трещали балки, обрушиваясь сверху и ломая подточенные огнем переборки стойл.

«Все кончено», — угрюмо подумал он... и вздохнул. Стук подков стремительно приближался. Человек резко повер-

нулся — раздувая ноздри, дико выкатив белки глаз и высоко подняв опаленный, дымящийся хвост, жеребец вырвался из огня настоящим исчадием ада. Отблески пламени плясали на его крупе и черной как смоль гриве. Он мчался прямо на злоумышленника, словно ангел мести. Со сдавленным криком тот отскочил в сторону и упал, потеряв равновесие. Животное пронеслось мимо. Дрожа от потрясения, человек не без труда поднялся на ноги. Он находился к конюшне слишком близко, и каждый раз, когда очередная балка рушилась, сноп искр вырывался наружу, обжигая его.

Шум стоял такой, что в нем терялись все остальные звуки, поэтому поджигатель услышал крики лишь тогда, когда спастись бегством было уже поздно.

От темной громады особняка бежали люди во главе с самим стариком Уэйбурном. Слуги тщетно старались урезонить хозяина.

— Шареб! — снова и снова повторял старик. — Шареб!

Оставив мысли о бегстве, преступник укрылся в тени вяза, листва которого уже начала сворачиваться от невыносимого жара. На лице с правильными породистыми чертами появилось удовлетворенное выражение. С улыбкой он следил за тем, как старый граф, путаясь в халате, размахивает руками. Ночной колпак, по-прежнему завязанный под подбородком, нелепо съехал на спину.

— Шареб-эр-рех!

— Стойте, милорд! Опомнитесь! — кричал один из слуг, пытаясь удержать его. — Не делайте этого!

Крыша частично провалилась. Громадный клуб черного дыма, весь пронизанный искрами, вырвался из отверстия.

— Шареб!

— Милорд, умоляю вас! Поздно! Не ходите туда!

— Шареб-эр-рех!

В слепом отчаянии старый граф бросился в самое пекло через распахнутые и уже горящие ворота. Приостановившись на пару секунд, слуги двумя группами пустились

в обход конюшни, не столько в надежде пробраться через другие двери, сколько не в силах бездействовать.

Поджигатель вытянул шею, прислушиваясь, и очень скоро услышал крики старика. Пятясь, тот появился в дверях, неуклюже повернулся, хватая ртом воздух и держа за ходившую ходуном грудь. После нескольких неверных шагов ноги его подкосились и он рухнул ничком прямо на занявшиеся полы халата.

Преступник снова прислушался, потом бесшумно покинул свое укрытие и, обойдя лежащего графа, с холодным любопытством уставился на его дымящуюся одежду. Морщинистые веки старика приоткрылись, он поднял голову, чтобы посмотреть на того, чьи ноги маячили перед ним.

— Ты... — выдохнул он. — Я так и знал... из мести, конечно. Не надо было связываться... с тобой.

Наступило молчание, нарушавшееся лишь треском горящего дерева. Где-то позади конюшни слышались крики слуг, звавших хозяина, но двое у дверей оставались как бы отделенными от происходящего: преступник и невольная жертва — лицом к лицу.

Старый граф уронил голову на утопанную горячую землю, и поджигатель поспешил присесть, чтобы видеть его лицо.

— Увы, Уэйбурн! Это молодой Тристан наврал тебе насчет меня, так ведь? Поэтому ты решил расторгнуть договор?

Вместо ответа Уэйбурн судорожным рывком вытянул руки, пытаясь дотянуться до мучителя, но пальцы лишь заскребли по земле, заставив говорившего пожать плечами и усмехнуться.

— Что тут сказать? Я весь в долгах. Ты здорово подвел меня, и я был бы не я, если бы не возместил это сторицей. А теперь прощай, и да сгинешь ты в аду!

Он поднялся и какое-то время стоял, равнодушно наблюдая за тем, как морщинистая рука пытается до него

дотянуться. Наконец слабое движение прекратилось, глаза графа закрылись, и даже в неверном отсвете пламени было заметно, какой пепельный оттенок приобрело его лицо.

В отдалении послышался тяжелый стук подков. Это возвращался к пылающей конюшне жеребец Уэйбурна.

Преступник помедлил, потом решительно направился прочь, во тьму.

Глава 1

«Предлагается вознаграждение в полторы тысячи фунтов за любые сведения о местонахождении леди Ариадны Сент-Обин, дочери графа Уэйбурна. Упомянутая леди исчезла в ночь пожара на конюшне Уэйбурн-Хауса, стоившего жизни ее отцу.

Возраст: 19 лет.

Приметы: невысокого роста, прекрасно сложена, волосы медно-рыжие.

При ней должен быть гнедой жеребец с белой полосой на морде и белыми “гетрами” на задних ногах.

Заинтересованным лицом выступает новый граф Уэйбурн, брат леди Ариадны. Поскольку означенная лошадь по смерти старого графа является его законной собственностью, он намерен приложить все усилия к розыску.

Со сведениями обращаться в Уэйбурн-Хаус по адресу: Бромптон-роуд, Лондон».

— Думаю, этого достаточно.

«Новый граф Уэйбурн» склонился над роскошным письменным столом в кабинете, унаследованном вместе с титулом, чтобы в последний раз пробежать взглядом строчки составленного документа. Потом поставил размашистую подпись и протянул бумагу дворецкому, застывшему в ожидании.

— Прошу лично удостовериться, чтобы это размножили и отправили в каждую гостиницу, на каждый постоялый двор — словом, в любое мало-мальски приличное заведение отсюда до Кинге-Линн. И пусть «Таймс» напечатает это как можно скорее.

Дворецкий молча вложил в протянутую руку хозяина перчатки, потом головной убор для верховой езды. Тот небрежным жестом нахлобучил шляпу на рыже-каштановые волосы и пошел к двери, бросив уже через плечо:

— Надеюсь, это сработает! Сестра наверняка уже на полпути к Норфолку.

Прежде чем дворецкий успел ответить, дверь открылась.

— Лошадь оседлана, милорд.

— Надеюсь, она достаточно резва, — проворчал Тристан и намеренно громко хлопнул дверью, выходя.

Слуги уже выстроились в шеренгу на ступенях особняка, чтобы проводить молодого хозяина. Вид его был так мрачен, а губы поджаты с такой угрозой, что тому, на кого падал его взгляд, хотелось отшатнуться, как бы хорошо он ни был вышколен.

— Господь не оставит нашу дорогую леди Ариадну, — чуть слышно проговорила одна из горничных и сделала движение, как если бы собиралась заломить руки, но удержалась. — Я буду молиться за нее, Уильям! Пусть она доберется до Норфолка раньше его...

— У нее несколько часов форы, — откликнулся лакей, почти не шевеля губами, чтобы не привлечь ненароком внимание хозяина (лицо его при этом не утратило выражения подобострастия). — И потом с ней Шареб-эр-рех. Ее не догнать.

Безмолвно, с хорошо скрытым неодобрением, слуги наблюдали за господином. Тот сердито подергал подпругу, проверяя, на совесть ли она затянута, косясь при этом на ни в чем не повинную лошадь с таким видом, словно не мог простить ей, что она всего лишь одна из верховых кобыл Уэйбурн-Хауса, а не самый быстрый чистокровный же-

ребец во всей Англии. Воздух, казалось, был пропитан этим неодобрением, словно электричеством перед грозой. Слуги украдкой обменивались угрюмыми взглядами.

Несчастья просто преследовали леди Ариадну. Сначала от странной, необъяснимой болезни погибли все лошади на племенной ферме, потом произошел пожар на конюшне, столь же загадочный и еще более ужасный, так как стоил жизни старому графу и едва не погубил и самую ценную лошадь. Последним ударом явилось чтение завещания. Без сомнения, намерения графа были самые благородные... однако трудно, почти невозможно было поверить, что он завещал бесценное животное — чистокровного племенного жеребца по кличке Шареб-эр-рех — такому пустоголовому и безответственному моту, как Тристан, пусть даже тот и был ему сыном.

Разве можно винить леди Ариадну за то, что она украла жеребца и сбежала под покровом ночи?

Молодой граф ничего не знал как о ходе мыслей своих слуг, так и об их симпатиях и антипатиях — и ничуть этим не интересовался. На его привлекательном лице не отражалось и тени сожаления, когда он проходил мимо обугленных руин конюшни. Единственным чувством, оживлявшим его надменную физиономию, был гнев. От него веяло мрачной решимостью, не предвещавшей ничего доброго. Чувствуя это, лошадь опасно выкатила белки и начала пританцовывать, стоило Тристану приблизиться к ней. Теперь, уже взявшись за луку седла, он обернулся к дворецкому, чтобы дать последние указания.

— Если появится кто-нибудь со сведениями, пусть ждет моего возвращения. О деньгах ни слова! Пока расплачиваться нечем, но деньги появятся, как только этот жеребец появится у меня в руках. Помоги мне бог, чтобы это случилось как можно скорее!

С этими словами молодой хозяин Уэйбурн-Хауса вскочил в седло, поднял лошадь на дыбы и вскоре уже скакал к воротам поместья.

— Скорее, сэр! Это рядом, на улице!

Колину Николасу Лорду достаточно было взглянуть на собаку, чтобы понять, что она умирает. Вокруг собралась небольшая толпа зевак, преисполненных сочувствия, но бессильных помочь. Увидев Колина, женщина с покрасневшимся, встревоженным лицом бросилась навстречу.

— Вы ведь ветеринар, сэр, правда? Так мне сказали! Умоляю, сделайте что-нибудь, спасите беднягу Гомера! Я не знаю, что будет с сыном, если собака погибнет! Доктор, прошу вас, прошу!

Требовательный жест ветеринара заставил зевак отступить. Крупный черный мастиф лежал на боку. Тело его было сведено судорогой, зубы оскалены в гримасе агонии, глаза остекленели. Мальчик лет шести-семи почти лежал рядом, обнимая худенькими руками массивную шею собаки и спрятав лицо в густой мех. Услышав энергичные шаги, он поднял голову. Голубые глаза уставились на Колина с безмолвной мольбой, слезы продолжали катиться по совершенно мокрым щекам.

— Моя собачка... мой песик... — проговорил он, с трудом сдерживая рыдания.

— Позволь мне осмотреть его, ладно? — мягко попросил Колин.

Слезы закапали чаще, но ребенок кивнул и поднялся, укрывшись в объятиях матери. Ветеринар опустился на колени на крупный булыжник мостовой и раскрыл чемоданчик, приговаривая: «Спокойно, дружище, сейчас мы тебе поможем». Рука привычным жестом нашла бедренную артерию собаки. Пульс был, но слишком частый и слабый.

Отодвинув губу, он осмотрел десны и убедился, что они почти так же белы, как и зубы. Но не это, а тугое, вспученное брюхо собаки помогло поставить окончательный диагноз.

— Когда он последний раз ел, мадам?

— Несколько часов назад, — ответила женщина, тесно прижимая к себе сына. — Сэр, неужели он...

— Рвота была?

— Только поправки. Я накормила его тушеным мясом с картофелем, он выпил целую миску воды, играл с Томми, а потом мы взяли его с собой в город. Это, знаете ли, очень добрый пес, дети его любят и наперебой ласкают... Боже мой, неужели он умрет!

Ее невольный возглас заставил мальчика вывернуться и броситься к собаке. Вскоре он уже снова полулежал на мостовой, обвивая шею мастифа так отчаянно, словно это могло вернуть того к жизни.

— Гомер, не умирай! Только не умирай, ладно? Прошу тебя, прошу! — Внезапно, не в силах больше сдерживаться, мальчик разрыдался, невнятно умоляя спасти его песика.

Колин водрузил на нос очки, которыми пользовался только во время работы.

— Сделаю, что в моих силах, Томми, а ты пока побудь, пожалуйста, с мамой.

Ребенок подчинился, хотя ему стоило немалых усилий оторваться от собаки. Теперь можно было отдать все свое внимание мохнатому пациенту.

Поскольку животное упало прямо посреди мостовой, это застопорило движение. Останавливаемые на скаку лошади протестующе ржали, скрипели и взвизгивали колеса экипажей, слышались выкрики, полные недовольства, удивления и любопытства. Колин не обращал внимания на суматоху, полностью отдавшись своему занятию. Жадная до зрелищ толпа подступала ближе. Социальные различия ненадолго были забыты, надушенные дамы толкались локтями наравне с давно не мытыми, разящими перегаром бродягами. Ветеринар вдруг ощутил, что задыхается, что ему необходимо пространство и свет.

— Назад, все назад! — крикнул он.

— Дайте же доктору выполнить свой долг! — поддержал кто-то в толпе, скорой на сочувствие и жалость (равно как и на расправу), и все подались назад.

Пес жалобно скулил.

— Вы уже можете сказать, что с ним? — настороженно спросила мать Томми.

— Вздутие кишечника.

— Вздутие... — повторила женщина испуганно.

Колин смотрел на огромное раздутое брюхо красавца мастифа и прикидывал риск того, что собирался сделать.

Если у него заворот кишок, это его убьет, думал он. Однако придется попробовать.

— Видите ли, у него в кишечнике скопилось много газов, по какой-то причине они не выходят. Это случается, и если газы не выпустить, собака непременно погибнет.

Он обвел взглядом лица вокруг, полные сочувствия и любопытства, и остановил взгляд на приличного вида мужчине, поддержавшем его пару минут назад.

— Сэр, не могли бы вы мне помочь? Кто-то должен держать собаку, пока я буду с ней заниматься. Да, именно так. Вы все правильно делаете.

Малыш Томми, до того не сводивший с него полных ужаса глаз, спрятал лицо в материнских юбках, снова залившись слезами. Колин подавил вздох, не желая выдавать свою растерянность. Как и все остальные, мать мальчика неотрывно следила за ним; на ее бледном теперь лице застыло выражение безмолвной мольбы. Ветеринару нередко приходилось видеть такие лица. В нем видели спасителя, чудотворца. Не каждый, далеко не каждый человек становится объектом такой слепой, безоглядной любви, как домашнее животное.

— Делайте, что считаете нужным, доктор, — чуть слышно произнесла женщина.

Настало время действовать. Колин достал из недр своего чемоданчика чистую тряпку, бутылку крепчайшего рома и короткую полуую иглу, в которой был единственный шанс на спасение бедняги Гомера. Лицо ветеринара оставалось совершенно бесстрастным, хотя в душе продолжали гнездиться сомнения. Он испробовал это простое средство на

овцах, объевшихся свежей травы, но никогда не применял на собаке. Однако выбора не было.

Осторожно ощупав брюхо, Колин нашел нужное место.

Собака почувствовала, что надвигается нечто опасное, и из последних сил попыталась подняться. Ветеринар мягко принудил ее лежать. Он вдруг осознал, что кругом стало очень тихо. Должно быть, кучера экипажей тоже привстали на козлах, чтобы видеть происходящее. Намочив тряпицу ромом, Колин хорошенько протер брюхо, поросшее мягкой темной шерсткой, и придвинулся поближе, прикрыв собаку своим телом от мальчика на случай, если тот найдет в себе храбрость повернуться, потом резким точным движением проткнул вздутие.

У какой-то леди в толпе вырвался испуганный возглас.

Там, где игла пробила стенку брюшины, вырвался целый фонтан красной, густой и невероятно вонючей жидкости, забрызгав Колина все лицо. Он заставил себя не реагировать ни на вонь, ни на тревожный ропот толпы, сосредоточив все свое внимание на крови, интенсивно изливавшейся через дренажную иглу. Вместе с ней, свистя, выходили скопившиеся газы.

Его помощник крепко держал собаку, но явно не потому, что имел способности к ветеринарии. Скорее, он был так потрясен, что потерял способность двигаться. Челюсть у него отвисла, глаза вылезли из орбит, взгляд был прикован к брюху собаки.

Теперь только оставалось положиться на удачу. При завороте кишок животное ожидал перитонит и мучительная смерть.

Секунды ползли одна за другой с ужасной медлительностью.

После пережитого шока толпа снова притихла в ожидании. Немного погодя Колин нащупал бедренную артерию собаки и сосчитал пульс. Помощник вопросительно воззрился на него, но ветеринар промолчал, не желая делать скоропостижных выводов.

«Ты уж постарайся, здоровяк, — мысленно обратился он к мастифу. — Не подведи меня в последний момент, идет? Сейчас ты можешь сделать своего маленького хозяина очень счастливым».

Газы продолжали с шипением вырываться через узкую дренажную иглу, и казалось, что это никогда не кончится. В решающий момент, забывшись, мать мальчика опустила руку на плечо ветеринара, и теперь, сама того не сознавая, впивалась в него пальцами до боли. Без труда можно было предположить, что и она не сводит полных ужаса глаз с иглы и залитого красной жижой брюха. Собака дышала, но так слабо, словно могла в любой момент прекратить дышать вовсе.

Тишина продолжала царствовать на улице, только лошади переступали с ноги на ногу и встревоженно пофыркивали.

Перед глазами у Колина все подернулось туманом. Он перевел взгляд на мостовую, на ноги в такой разной обуви — от туфелек на каблучке до грубых разбитых башмаков — и вдруг отчетливо увидел муравья, деловито пробиравшегося между двумя булыжниками. Вот он преодолел соломинку, вот перевалил через кучку песка, вот обогнул камешек. Все это казалось ему, должно быть, гигантским...

Ветеринар с трудом подавил желание потрясти головой.

Колени начали болеть от долгой неподвижности, и солнце припекало не на шутку.

И вдруг свистящий звук ослабел! Он все стихал и стихал, пока не смолк совсем. Колин сделал глубокий, жадный вдох и осторожно вынул иглу. Сердце его, оказывается, билось в бешеном ритме, пот заливал глаза.

Только теперь, когда все могло кончиться благополучно, Колин поднял взгляд и обвел им толпу. Он уже приготовился высказать свое мнение, как вдруг одно лицо привлекло его внимание. Оно принадлежало женщине — вернее, девушке, — сидевшей верхом на жеребце темно-гнедой масти.

Животное стояло совершенно неподвижно — должно быть, потому, что морду его прикрывали парусиновый колпак и самые массивные шоры, какие только доводилось видеть Колину. Девушка сидела в седле по-мужски и смотрела на него. Ее даже можно было принять за невысокого хрупкого паренька благодаря жокейской шапочке и бридгам, если бы не оттопыривавшийся на груди жакет.

Хотя девушка приложила немало усилий, чтобы как можно тщательнее спрятать волосы под шапочку, их цвет угадывался без труда. Только у обладательниц медно-рыжих волос кожа бывает такой безукоризненно чистой и белой, как сливки. Изящные дуги темно-рыжих бровей были слегка приподняты, голова высоко вскинута, темные глаза торжествующе смотрели на Колина, как если бы на ее глазах он спас от неминуемой смерти какую-нибудь важную персону.

Когда взгляды их встретились, девушка слегка склонила голову. Это было не то чтобы приветствие, скорее дань уважения. На ее лице не было и тени сомнения, что все кончится благополучно.

Ощувив неловкость, Колин быстро отвел взгляд и вернулся к «пациенту». Очередное прослушивание пульса обнадеживало. Собака задышала ровнее, и хотя была еще очень слаба, жизнь понемногу возвращалась к ней. Ветеринар сразу же забыл о девушке на лошади.

— Вот так-то лучше! — вырвалось у него, и толпа, словно только и ждала поощрения, придвинулась ближе. — Так как, ты говоришь, твое имя? Гомер? Хорошее имя, славное. А теперь давай понемногу приходить в себя, старина! — Он потрепал по мощной шее и выжидательно уставился на полужакрытые глаза животного.

Мастиф заскулил и поскреб лапами по мостовой. Жалобное поскуливание сменялось глухим завыванием, по мере того как возвращалось сознание и с ним боль. Широкая лапа снова заскребла по булыжнику, и собака перекадилась на живот. Невнятный ропот толпы постепенно